

Настоящий специальный номер журнала посвящен теме «Эзотеризм и русская литература». Эзотеризм как особого рода культурный феномен давно приковывает внимание исследователей, ставящих перед собой целью выявить его сущность, особенности и характер, в том числе исследовать многообразие его отношений с другими культурными формами выражения и трансляции человеческого опыта. На мой взгляд, именно литературу можно считать типологически близкой эзотеризму культурной формой – позволяя читателю переживать вымышленное как реальное, она переносит его в пространство «фантастического», находящегося на границе между объективной реальностью повседневного опыта и субъективной фантазией воображения. Эзотеризм, который часто определяли как феномен, находящийся «между религией и наукой», оказывается близок искусству по своей психологической функции – так же как искусство, он позволяет преодолевать границы повседневности, оставляя в конечном счете на усмотрение субъекта вопрос об онтологическом смысле такого перехода. Пожалуй, ключевое отличие в этом отношении между эзотеризмом и литературой можно провести по степени осознанности человеком такого преодоления – если в литературе оно чаще всего понимается некритически, за исключением, пожалуй, некоторых теоретических размышлений литературоведов и литераторов, в эзотеризме оно становится предметом постоянной рефлексии и даже особого рода практики, позволяющей снова и снова переживать такое преодоление как событие психологического и, шире, духовного опыта.

С теоретической точки зрения вопрос об отношении эзотеризма и литературы – вопрос сложный и комплексный, однако он неоднократно обсуждался исследователями с разных точек зрения применительно к разному, по большей части европейскому, историческому материалу. Не будет преувеличением сказать, что разные важные жанры европейской литературы, например, фэнтези и фантастика, помимо их художественной и, шире, развлекательной ценности, были связаны с эзотеризмом. Следует отметить, что вера в «силу» литературы, способной изменять реальность, основывается на вере в преобразующую силу слова – такая вера активно утверждалась в романтической философии, пестовавшей изображение как средство изменения мира и опиравшейся на опытные

магнетические изыскания современников, и восходила к старым – в основе своей магическим – текстам и практикам эпохи Возрождения. Появление фэнтези как особого жанра можно рассматривать не только в контексте литературного процесса, но и как следствие секуляризации эзотеризма конца XIX в., прежде всего в ходе его психологизации под влиянием антропологии и психологии того времени.

Характер взаимодействия эзотеризма и литературы, безусловно, зависит от историко-культурной среды и влияния ее многообразных факторов – от политической цензуры, способной подавлять те или иные высказывания в публичном пространстве, до цифровой среды новых медиа, дающих большие возможности для самовыражения. Если проследить именно за этой линией причинности – о зависимости эзотеризма и литературы от медиасреды и внешнего авторитета, – можно прийти к мысли, что и та и другая культурная форма в основе своей являются субъективными (в отличие от науки, которую можно рассматривать как наиболее объективную, стремящуюся к бессубъектной объективности форму) и по этой причине сопротивляются внешнему нормативному диктату, предпочитая среды, позволяющие свободное выражение субъективности. В отличие от эзотеризма, который в Новое время весьма устойчиво стал ассоциироваться с маргинальными формами культуры, именно литература стала одной из центральных ее форм, конструируя мифологические нарративы, необходимые для существования воображаемых сообществ. В этом отношении литература оказывалась востребованной как инструмент разного рода авторитетами, и хотя, становясь на службу «великому делу», она теряла в субъективности, она утверждала реальность предметов веры, необходимых для существования социальной реальности. Иными словами, если эзотеризм в Новое время превращался под влиянием внешнего авторитета в прибежище для маргиналов или элитарную субкультуру, литература оказывалась всепроникающей культурной формой, способной как создавать большие нарративы, так и служить средством выражения опыта для маленьких творческих групп и сообществ. Эта ситуация изменилась во второй половине XX столетия в связи с появлением феномена «окультурности» и в целом превращением эзотеризма, по крайней мере отдельных его разновидностей, в феномен массовой культуры.

Границы между эзотерическим и литературным подвижны – в зависимости от перспективы прочтения тексты могут утрачивать и обретать эзотерические смыслы. Ключевым культурным различием литературы и эзотеризма интуитивно хотелось бы признать целеполагание – в то время как литература ставит своей целью

погружение индивида в вымышленную реальность художественного повествования, эзотеризм нацелен на духовную трансформацию индивида. Тот факт, что и литература может способствовать такой трансформации, и эзотеризм может превращаться для его адептов в бесконечное приключение без каких-либо серьезных духовных изменений, говорит, на мой взгляд, об относительности такого различия и об изоморфности обеих культурных форм. Эзотеризм можно понимать не только как интерпретативную надстройку над художественным текстом, который может быть иначе прочитан посвященным в тайну его эзотерической интерпретации, но также и как особое психологическое состояние, в котором человек обретает новое видение реальности, состояние, в котором происходит герменевтическая «пересборка» смысла. В этом отношении эзотеризм и литературу можно уподобить двум сторонам одной монеты – там, где эзотеризм хочет быть средством духовной трансформации читателя, литература рассказывает ему поучительную историю, в которой он не является героем, но только зрителем. Именно по этой причине литература – в эпоху утверждения науки как экспертной инстанции – стала значимой альтернативой эзотеризму, четко конструируя границу между реальным и воображаемым, научными теоремами и поэзией.

Литературная форма неоднократно становилась средством передачи эзотерического знания, например, в форме оккультного романа, и напротив, эзотерические образы и темы служили всего лишь художественными средствами. Последнее, однако, не означает, что эзотеризм и литературу можно соотносить друг с другом исключительно как содержание с формой. Литература, особенно в условиях цензуры, использовалась как форма для выражения эзотерических концептов и идей, однако, на мой взгляд, само ее использование указывает на органическую близость к эзотеризму. Если попытаться определить «лики» этого своеобразного мифопоэтического Протея, то, наверное, правильно будет отметить две ключевые характеристики – развлечение, если речь идет о популярной литературе, и познание, если речь идет о «серьезном» эзотеризме. Представляется неслучайным в этом отношении тот факт, что именно популярные литературные формы, получившие хлесткое имя «беллетристика», активно заимствуют мистические образы, а сами эзотерики, что еще более важно, прибегают именно к таким формам для выражения своих взглядов. Можно предположить, что подобное обстоятельство вызвано не столько социальными и экономическими обстоятельствами, сколько близостью культурных форм – и эзотеризм и литература, особенно популярная литература, «создают вселенные», позволяющие читателю преодолеть положенные ему границы повседневного опыта.

Художественные тексты становились источником вдохновения для представителей эзотерического сообщества, а эзотерические тексты вдохновляли известных писателей и поэтов. Нетрудно заметить, что такого рода культурный «обмен» осуществлялся на протяжении истории отношений эзотеризма и литературы, однако очевидным образом усилился и вышел на поверхность в Новое время в связи с усилением влияния литературы как фактора культурных изменений. Благодаря тому, что любой художественный текст может быть прочитан как текст, повествующий не о вымышленном, но о реальном, эзотеризм как самостоятельная интеллектуальная традиция постоянно обогащался «открытиями» и «переоткрытиями» эзотерических смыслов в разных древних и современных текстах, конструировавших альтернативные версии реальности. Конспирологическое прочтение художественного текста практикующими эзотериками, нацеленными на дешифровку тайных смыслов, находило отклик среди литераторов, прибегающих к эзотерическим идеям как важному художественному приему, позволяющему не только создавать увлекательное повествование, но и вполне сознательно «заигрывать» с читателем, не разъясняя ему, является текст описанием реальных событий или всего лишь художественным вымыслом. Характерная для некоторых литературных жанров художественная игра, архетипически представленная в «Рукописи, найденной в Сарагосе», хорошо выражает желание автора не отпускать читателя из романтического плена неопределенности. Такое художественное средство весьма напоминает эзотерический прием, благодаря которому неопределенность, предполагающая отказ от стереотипов и выход за границы повседневного знания, становится ключевым фактором психологического и, шире, духовного изменения.

Русская литература отразила влияние различных эзотерических учений и идей, например, масонства, христианской теософии, сведенборгианства, спиритуализма, герметизма и гностицизма в их преломлении через оптику и ценности второй половины XIX – начала XX столетия. Заимствуя литературные формы передачи эзотерического знания, русская литература наполняла их специфическим культурным содержанием. Подобно иным национальным традициям, русская литература вступала в многообразные отношения с эзотеризмом, и настоящий номер не может претендовать на сколь-либо полный их теоретический и, тем более, исторический обзор. В то же время редакция надеется, что предлагаемая для обсуждения научным сообществом тема получит в дальнейшем систематическую разработку, для которой статьи номера могут оказаться полезными.

Основной раздел номера открывает статья известной исследовательницы Татьяны Артемьевой, которая рассматривает вопрос о влиянии зарубежных мистических сочинений на отечественную литературу на примере популярного в начале XIX столетия творчества немецкого пиетиста И. Юнг-Штиллинга. Она показывает границы рецепции его идей русским оригинальным мыслителем А.Т. Болотовым и утверждает, что рецепция эта, о которой можно судить по его литературным произведениям, была далека от ученической и соотносилась с его религиозными и философскими взглядами на природу. В частности, она показывает, что взгляды А.Т. Болотова формировались в связи с его ранним увлечением вольфианством. Чрезмерный рационализм философии Христиана Вольфа побудил его обратиться к пиетистским и мистическим сочинениям, однако, в отличие от «духовидца» и «мистического реалиста» И. Юнг-Штиллинга, А.Т. Болотов сохранил скептическое и «гипотетическое» отношение к разного рода мистическим явлениям. Сочинения А.Т. Болотова, в литературной форме излагающие его «ипотезы» о посмертном существовании души, имеют важное значение для истории русского эзотеризма.

В моей статье я касаюсь недостаточно изученного в отечественном литературоведении предмета – феномена оккультного романа, рассматривая его на примере творчества известной русской романистки В.И. Крыжановской. Анализируя ее оккультно-мистические взгляды, практики и степень вовлеченности в спиритуалистические объединения эпохи, можно говорить о ее духовной эволюции от спиритуализма к оккультизму. Оккультный роман служил средством представления широкой публике разных оккультных взглядов, традиций и школ, поэтому его предлагается рассматривать как разновидность религиозной – дидактической – литературы. Сама В.И. Крыжановская, подписывавшаяся именем духа Рочестера, оставляла читателям пространство для сомнения относительно подлинного автора ее произведения. Такую эксплуатацию «фантастического» (в смысле, который вкладывал в это понятие Цветан Тодоров) предлагается рассматривать как значимый признак оккультного романа.

В своей статье исследовательница из Высшей школы экономики (Санкт-Петербург) Александра Пахомова предлагает пересмотреть сложившуюся в отечественном литературоведении оценку поэтического цикла М. Кузьмина «София. Гностические стихотворения». С ее точки зрения цикл – в сопоставлении с дневниковыми записями – свидетельствует не о стремлении М. Кузьмина бежать от революционной ситуации, но является проявлением характерного для некоторых представителей русской интеллигенции мистического понимания революции. А.С. Пахомова показывает, что

М. Кузьмин пользуется мифом о Софии – центральным гностическим мифом – для того, чтобы увидеть в революции свидетельство коренного обновления человечества и мироздания.

В завершающей основной блок материалов номера статье исследователя из ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург) Игоря Кравчука предложена оригинальная интерпретация творческой мысли Д.И. Хармса. Опираясь на разного рода источники, в том числе художественные произведения Д.И. Хармса, И.А. Кравчук реконструирует его отношение к клинической и оккультной медицине. Он предполагает, что решающее влияние на творчество Д.И. Хармса в рассматриваемом им аспекте оказал популярный в отечественной культуре начала XX века образ Агриппы Нетесгеймского.

Предлагаемые читателю исследования были представлены на международной конференции «Эзотеризм и русская литература», организованной Учебно-научным центром изучения религий Российского государственного гуманитарного университета, факультетом истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге, Институтом научной информации по общественным наукам РАН и Оксфордским университетом и прошедшей 30–31 марта 2022 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Члены оргкомитета благодарны участникам, нашедшим в себе силы и возможность подготовить публикации в это непростое время. Мне же особенно хотелось бы поблагодарить доцента Европейского университета в Санкт-Петербурге Елену Александровну Глуховскую за теплое гостеприимство.

В.С. Раздьяконов